
А.Г. Худокормов

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ЧЕРЕЗ ЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ
(к вопросу об общем принципе эволюции
мировой экономической теории в XX веке)

Москва
Институт экономики
2012

Худокормов А.Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 38 с.

ISBN 978-5-9940-

Доклад посвящен основному принципу эволюции мировой экономической теории (МЭТ) в XX веке. Автор полагает, что две ведущие ветви МЭТ — западный mainstream economics и марксизм развивались через их периодически наступавшие кризисы. Первый кризис марксизма (теоретический и организационный раскол) имел место на рубеже XIX и XX вв., второй — после смерти Сталина в 1950 — 1960-е гг. и третий — во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. (крах официального марксизма и государственного социализма советского образца). По мнению автора, исторические кризисы марксизма в XX веке совпадают с периодами повышательных волн большого цикла Кондратьева. Напротив, понижательные волны большого кондратьевского цикла обуславливали наступление периодических кругов западной mainstream economics: кризиса неоклассики в 1930-е гг., кейнсианства — в 1970-е гг., современного этапа кризисного развития mainstream economics в первом десятилетии XXI в.

Ключевые слова: история экономической мысли; история марксистской политической экономии; история западного mainstream economics, теоретические кризисы мировой экономической теории.

Классификация JEL: B1,B2,N10

The report deals with the general principle of the evolution of the world economic theory in XX century. The author believes that two leading currents of the world economics thought — Western mainstream economics and Marxism economic theory — were developed by means of their periodic crises. The first crisis of Marxism (the theoretical and organizational split) took place in the very beginning of the XX century, its second crisis — right after the Stalin death (1950 - 1960) and the third Marxism crisis — right at the end of the 1980-s — beginning of the 1990-s. The author supposes that periodical crises of Marxism theory coincided with periodical arrivals of the arising wave within great Kondratiev's cycles. On the contrary, periodical decreasing waves of the Kondratiev's cycles determine comings of periodical crises of the Western mainstream economics: crisis of neoclassical theory (1930-s), crisis of the Keynesian theory (1970-s), and the modern crisis development of the Western mainstream economics.

Key words: History of economics, history of Marxism economic theory, history of the Western of mainstream economics, theoretical crises within economic theory.

JEL classification: B1,B2,N10

ISBN 978-5-9940-

© Институт экономики РАН, 2012

© Худокормов А.Г., 2012

© В. Е. Валериус, дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I

Двойственная революция как итог истории экономической мысли XIX в.	4

ГЛАВА II

Ключ к познанию истории экономических учений XX столетия	8

ГЛАВА III

Кризис марксизма на рубеже XIX–XX вв.	11

ГЛАВА IV

Второй кризис и раскол марксизма (1950–1960-е годы)	16

ГЛАВА V

Общий кризис государственного социализма и марксизма (1980-е годы)	20

ГЛАВА VI

Великая депрессия и кризис неоклассики (первый в XX в. кризис западной экономической теории)	23

ГЛАВА VII

Второй кризис экономической теории Запада (кризис кейнсианства 1970-х годов)	28

ГЛАВА VIII

Современный кризис экономического ультралиберализма (рыночного фундаментализма)	30

ГЛАВА IX

О ренессансе марксизма и перспективах мировой теории)	35

ДВОЙСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИТОГ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX в.

Прежде чем начать разговор о развитии экономической теории двадцатого столетия, необходимо сказать несколько слов о веке девятнадцатом.

Когда старшее поколение российских экономистов изучало историю экономических учений, ее центральным тезисом было положение о *революционном перевороте*, совершенном в экономической теории создателями «пролетарской политической экономии» — Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Что же касается бурных изменений в альтернативном теоретическом лагере, изменений, связанных с быстрым внедрением в экономическую теорию предельных величин (теория предельной полезности и предельной производительности), их революционная роль прямо отрицалась.

Не хочется повторять все те оценки, которые произносились тогда по адресу австрийской, лозаннской и кембриджской школ. Вспомним лишь об одной: утверждалось, что своим рождением маржиналистские школы и маржинализм в целом как течение обязаны выходу в свет первого тома «Капитала» К. Маркса.

Действительно, основное теоретическое произведение марксизма увидело свет в 1867 г. А первые труды инициаторов маржиналистской революции — К. Менгера и У.Ст. Джевонса — появились в 1871 г., т.е. четырьмя годами позднее. В 1874 г. опубликовал свой курс по «чистой» (т.е. абстрактно-теоретической) политической экономии основоположник лозаннской школы Леон Вальрас.

Нас учили, что выход в свет трудов лидеров маржиналистской теории — К. Менгера, У.Ст. Джевонса и Л. Вальраса — стал реакцией «буржуазной политической экономии» на рождение политэкономии пролетарской, т.е. политэкономии марксизма.

Рассказываю об этом не для того, чтобы подвергнуть осмеянию все, что было в нашей науке до 1991 г. Но факт остается фактом: прежняя отечественная историография не признавала самостоятельного значения и содержания маржиналистской революции 1870–1890-х гг. Хотя такое содержание, несомненно, имелось. Маржинализм, введя в научный оборот анализ предельных величин, снабдив этот анализ высокосложным научным аппаратом, впервые поставил в центр исследований проблему альтернативного экономического выбора на базе ограниченных ресурсов. Тем самым был сделан *важный шаг к познанию проблемы эффективности капиталистической экономики*, правда, пока еще на микроуровне и с присущими тому времени теоретическими ограничениями.

Самостоятельная, рубежная роль маржиналистской революции конца XIX в., революции Л. Вальраса и А. Маршалла, К. Менгера и Ф. Визера, У.Ст. Джевонса и Дж.Б. Кларка, а также Ф.И. Эджуорта, В. Парето и др., является ныне общепризнанной. Тем более что, как это неопровержимо доказано, пионеры маржиналистского переворота — К. Менгер, У.Ст. Джевонс и Л. Вальрас — создавали свои труды, не зная ничего о содержании «Капитала» К. Маркса. Они решали теоретические задачи без оглядки на своего «пролетарского оппонента»¹.

События 1991 г. в нашей стране принесли с собой полнейший переворот в общественных оценках и суждениях. Значительная часть российских историков-экономистов ударилась в противоположную крайность: общим местом стало отрицание революционной роли марксизма в истории экономических учений. В отечественной литературе стали доминировать оценки, заимствованные из западной литературы. К. Маркс трактовался как один из многих представителей утопического социализма, как «запоздалый рикардианец», один из радикальных последователей классической школы и т.п.

1. Сказанное не означает, что среди более поздних маржиналистов не было критиков марксизма. Для примера укажем на Е. Бем-Баверка — одного из отцов австрийской школы предельной полезности, посвятившего задаче опровержения «Капитала» К. Маркса особенно много трудов.

Между тем, если разбираться в вопросе научно, невозможно отрицать революционную роль марксизма в истории экономической теории.

К. Маркс в «Капитале» прежде всего успешно разрешил те теоретические проблемы, которые завели в тупик английскую классическую политэкономия. Ни А. Смит, ни Д. Рикардо не сумели раскрыть источника капиталистической прибыли в условиях, когда рабочий и капиталист обмениваются друг с другом эквивалентами. (Согласно английским классикам, «товар—труд» обменивается на заработную плату в соответствии с законом трудовой теории стоимости.) Никто из экономистов домарковского периода, включая великого Рикардо, не смог объяснить закон равной прибыли на равновеликий капитал. (Хотя различное органическое строение капитала, т.е. различное соотношение живого и овеществленного труда в разных отраслях — в соответствии с трудовой теорией стоимости должно было привести к совершенно иному результату.)

Именно К. Маркс, создав учение о товаре, рабочей силе, прибавочной стоимости, а также сформулировав теорию распределения последней в связи с межотраслевой конкуренцией капиталов (теорию цен производства), вывел экономическую науку из тупиков, характерных для классической школы.

Но создатель «Капитала» явился революционером и по отношению к леворадикальной экономической мысли своего времени. П. Прудон, Р. Оуэн, социалисты-рикардианцы также исходили из понимания трудовой теории стоимости, как она сложилась в произведениях Д. Рикардо. Все они рассуждали примерно так: раньше науке было неизвестно, что товары обмениваются друг на друга в связи с количеством заключенного в них труда. Теперь же это — доказанный наукой факт. Отсюда вытекали их проекты банков «справедливого обмена»: каждый товаропроизводитель мог сдать свой товар в банк, получить за него бонус на базе «справедливой оценки» затраченных часов рабочего времени и по эквиваленту забрать со склада банка другой, необходимый ему товар.

Известно, что все банки «справедливого обмена» и подобные им учреждения, созданные леворадикальными деятелями в Англии и во Франции, довольно быстро разорялись. Свое объяснение этому дал К. Маркс, создав учение о двойственности труда,

заключенного в товаре, в частности — о противоречии между общественным трудом (создающим стоимость товара, в связи с чем товар и принимается в обмен) и трудом частным (т.е. любой затратой частного производителя без гарантии общественного признания).

Но более всего роль К. Маркса как ученого-революционера обнаруживается, по нашему мнению, в сфере методологии. К. Маркс, в отличие от буржуазных классиков, считал капитализм изменяющимся и преходящим строем. Его концепция историзма нашла подтверждение хотя бы в том, что современный капитализм радикально отличается от капитализма XIX столетия. Что же касается судьбы социалистических экспериментов XX в., она сложилась иначе, чем это предсказывалось автором «Капитала» и «Критики Готской программы». Но сам опыт реального социализма, пусть в незрелой, инвертированной форме, все же имел место и охватил значительную часть человечества.

О К. Марксе как революционере в науке можно рассуждать и далее. В разное время и по разным поводам всемирное признание получала его абстрактная теория реализации (предмет второго тома «Капитала»), на современном этапе растет интерес к Марксовой теории периодических экономических кризисов, разбросанной по многим разделам его фундаментального труда.

Подчеркнем еще раз: по глубокому и, надеюсь, не беспочвенному убеждению автора этих строк, XIX столетие в истории мировой экономической теории завершается «двойственной революцией» — маржиналистской на буржуазном фланге и марксистской на фланге леворадикальном, социалистическом.

КЛЮЧ К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ XX СТОЛЕТИЯ

Маржиналистская теория (учение о предельной полезности и предельной производительности) до сих пор лежит в основе почти всех новейших концепций микроэкономики. Кроме того, на базе маржиналистской революции возникло принципиально новое «неоклассическое направление», которое в видоизмененной форме до сей поры является основой (одной из основ) «мейнстрим экономикс» — основного потока (ядра) современной экономической теории Запада. Наконец, маржинализм входит в качестве микроэкономической составляющей в структуру так называемого «неоклассического синтеза» (Дж. Хикс, П. Самуэльсон), определившего идейное содержание ортодоксального, хрестоматийного кейнсианства.

Остальные течения западной экономической теории, возникшие на стыке XIX и XX столетий: молодая и юная историческая школа Германии, англо-американский институционализм и др. — по масштабам влияния, если рассматривать XX в. в целом, не шли ни в какое сравнение с маржиналистской теорией и потому не будут приниматься здесь во внимание.

Возникшая в последней трети XIX в. маржиналистская неоклассическая теория стояла на почве признания и одобрения капитализма. В сущности, это была теория совершенствованного (для своего времени) капитализма. Напротив, марксистская теория, возникшая практически одновременно и развивавшаяся параллельно с неоклассикой, относилась к капитализму резко негативно, про-

рочила его гибель, революционное крушение. Очевидно, что эти теории (концепции) капиталистического способа производства были во многом антиподами и в разные исторические периоды, вернее в периоды разных состояний капиталистической экономики, судьба этих теорий складывалась по-разному.

Здесь-то и пришло время подключить к анализу теорию «длинных волн конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева, которая, как мы надеемся показать, является основным теоретическим ключом к пониманию истории мировой экономической мысли XX столетия.

Само содержание теории «длинных волн» общеизвестно и излагать его здесь подробно не имеет смысла. Напомним только, что, согласно Н.Д. Кондратьеву, длительные периоды высокой конъюнктуры в истории мирового капитализма перемежаются со столь же длительными периодами замедленного роста. Сам Н.Д. Кондратьев, опубликовав интересующее нас исследование в середине 1920-х гг., предсказал на его основе Великую депрессию 1929–1933 гг. и последующий длительный застой, т.е. довел анализ до конца 1930-х гг. Последователи Н.Д. Кондратьева, среди которых выделялся французский марксист П. Боккара, продолжили исследование «больших циклов» до конца 1970-х гг. Современный финансово-экономический кризис 2007–2010 гг. доказывает, что Н.Д. Кондратьев был прав, а его модель длинных волн конъюнктуры может быть пролонгирована вплоть до начала третьего тысячелетия.

Какое все это имеет отношение к истории экономических учений? На наш взгляд, самое непосредственное.

В самом деле длительные этапы высокой конъюнктуры с повышенными темпами экономического роста и общественного благосостояния, включая улучшение положения отдельных отраслей, а иногда и всего рабочего класса в целом, плохо вписываются в тот классический марксизм, каким нам оставил его основоположник и автор «Капитала» К. Маркс. В послевоенный период отсутствие длительных этапов нарастания общественных антагонизмов в наиболее развитых странах мира ставит под сомнение общий прогноз революционного свержения капитализма. Еще хуже вписываются в повышательную волну конъюнктуры более поздние концепции марксистских ортодоксов вроде «умирания» и «загнивания» капитализма, его «общего кризиса» и т.д.

Далее мы постараемся показать, что состояния повышательных волн образуют питательную среду для кризисов марксистской теории, если, конечно, понимать под теоретическим кризисом не «смерть» или «конец» самой теории, а форму ее болезненного, драматического приспособления к меняющимся реалиям практики.

Очевидно также, что этапы понижательных волн, длительной плохой конъюнктуры рождают общий пессимизм в отношении судеб капитализма, демонстрируют относительность, а иногда и просто ошибочность многих положений западной экономической теории, провоцируют кризисы в ее эволюции. Не случайно, видимо, кризис неоклассики 1930-х гг. возник на драматической почве Великой депрессии, повышенная инфляция и стагфляция 1970-х гг. обусловили кризис кейнсианства, а проходящая ныне понижательная волна, пиком которой является резкий спад 2007–2010 гг., подготовила дискредитацию и общее падение рейтинга современного экономического мейнстрима Запада.

Отсюда то чередование кризисных ситуаций, которые в зависимости от переживаемой длительной волны испытывает то леворадикальный, то правоконсервативный фланги мировой экономической теории (табл. 1).

Таблица 1. Большие волны конъюнктуры Кондратьева и кризисы экономической теории

Волны	Периоды	Кризисы
Повышательная волна 1)	1844–1855 — 1870–1875	Марксистская и
Понижательная волна 2)	1870–1875 — 1890–1896	маржиналистская революции
Повышательная волна 1)	1891–1896 — 1914–1920	Первый кризис марксизма
Понижательная волна 2)	1914–1920 — 1939–1945	Кризис неоклассики и кейнсианская революция
Повышательная волна 1)	1939–1945 — 1967–1973	Второй кризис марксизма
Понижательная волна 2)	1967–1973 — 1982–1985	Кризис кейнсианства. Монетаристская контрреволюция
Повышательная волна 1)	1982–1985 — 1997–2002	«Общий кризис» марксизма и госсоциализма
Понижательная волна 2)	1997–2002 — ????	Современный кризис западной экономической теории

КРИЗИС МАРКСИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

XX в. в экономической теории начался в обстановке общей повышательной волны, которая, по мнению Н.Д. Кондратьева, стартовала в последнее десятилетие предыдущего века и завершилась в годы Первой мировой войны.

Именно тогда в марксистской теории произошел глубокий раскол, вызванный к жизни выходом в свет главного труда Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899). В полемике вокруг проблем, поднятых Бернштейном, как раз и возникло само понятие «кризис марксизма», появление которого зафиксировано в публикациях ведущего теоретика II Интернационала К. Каутского и его российского последователя указанного периода — В.И. Ленина.

Признаками кризиса марксистской теории в самой общей форме выступают:

- появление в мировой практике человечества принципиально новых процессов и явлений, которые не вписываются или не полностью вписываются в прежние марксистские теоретические системы;
- появление среди последователей марксизма разноречивых, противоположных и даже враждебных друг другу точек зрения на данные явления и процессы (теоретический раскол);
- отпадение от марксистской теории отдельных видных мыслителей и целых групп из числа прежних сторонников (организационный раскол);

- отказ марксистов от устаревших или не оправдавших себя положений прежней теории;
- общее ускорение в эволюции марксизма, включая его экономическое учение.

Первый кризис и раскол марксизма на рубеже XIX и XX столетий вызвали к жизни следующие соперничающие, противостоящие друг другу группировки:

- 1) правое крыло международной социал-демократии, так называемый ревизионизм (Э. Бернштейн, К. Шмидт, Э. Давид, Ф. Герц);
- 2) центризм (К. Каутский, Р. Гильфердинг, Г.В. Плеханов);
- 3) левое крыло международной социал-демократии (В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Р. Люксембург, К. Либкнехт).

Ревизионисты во главе с Бернштейном выступили за радикальный пересмотр учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Современное им общество они характеризовали как «культурный капитализм», который в целом успешно справляется с противоречиями и конфликтами предшествующих этапов.

Бернштейнианство как теоретическая система представляла собой симбиоз (конгломерат) положений самого разного качества. В нем присутствовали: 1) довольно верные и даже прозорливые утверждения; 2) весьма спорные тезисы; 3) грубые теоретические ошибки.

Попытаемся изложить это учение в «сильной форме», т.е. в форме, очищенной от явных теоретических заблуждений. Итак, Бернштейн считал трудовую теорию стоимости и прибавочную стоимость отнюдь не единственной возможной концепцией, описывающей суть экономического конфликта между буржуазией и рабочим классом. Он обращал внимание и на маржиналистские теории, оставлявшие больше возможностей для социального компромисса. Бернштейн не считал обнищание пролетариата обязательным спутником капитализма и полагал, что тенденция к обнищанию будет преодолеваться с течением времени. Он констатировал, что число собственников не сокращается, а растет, что средние слои изменяют свою форму, но сохраняют и даже усиливают присутствие в обществе.

Бернштейн в целом весьма оптимистично смотрел на будущее капитализма, подчеркивая его способность адаптироваться

к изменяющимся условиям, и, видимо, предусматривал возможность долговременной стабилизации капитализма как общественной системы.

Политическая платформа Бернштейна (если опять-таки излагать ее в очищенной, сильной форме) исходила из того, что время работает на изживание классовых антагонизмов, на смягчение классовых противоречий. В силу этого политика частичных реформ (использование рабочей кооперации, профессиональных союзов, потребительских обществ и т.д.) позволит капитализму постепенно трансформироваться в демократический социальный строй с тенденцией к большему равенству и солидарности. В силу этого не существует необходимости в насильственных революционных действиях, в установлении диктатуры пролетариата и отказе ради нее от демократических завоеваний народных масс.

Если смотреть на такое «очищенное» бернштейнианство с позиций сегодняшнего дня, его выводы покажутся дальновидными, а кое-кому и пророческими. Но с научной точки зрения подобный подход означал бы недопустимую модернизацию взглядов, высказанных во вполне определенное время и по вполне определенному поводу. Наиболее сильная мысль Бернштейна, если отбросить частности, заключалась в признании возможности долговременной стабилизации капитализма на реформистской основе. Однако этот его тезис относился к капитализму начала XX в., которому суждено было пережить затем две мировые войны, ряд антибуржуазных революционных переворотов, хозяйственную катастрофу Великой депрессии. То, что могло показаться верным для капитализма эпохи послевоенной стабилизации (вторая половина XX в.), не обязательно было таковым в принципиально иной исторической обстановке. Именно поэтому с осуждением бернштейнианства выступили практически все ведущие теоретики II Интернационала: Г.В. Плеханов, В. Либкнехт, А. Бебель, Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг, П. Лафарг, К. Каутский, В.И. Ленин.

Выдающимися представителями центризма — течения, выступившего с промежуточных позиций, являлись, как уже было сказано, Карл Каутский и Рудольф Гильфердинг. На примере работ Р. Гильфердинга легко показать тенденцию к ускорению развития марксистской теории в условиях ее кризиса.

Основной труд Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910) имел подзаголовок «Исследование новейшей фазы в развитии капитализма». Именно здесь получили глубокую теоретическую интерпретацию новейшие явления в экономике капитализма: процессы комбинирования производства, новая роль акционерных обществ и новые возможности концентрации капитала, система участия как фактор монополизации экономики, сущность учредительской прибыли в связи с антисипированным присвоением прибавочной стоимости. Именно Р. Гильфердинг первым дал описание и анализ основных форм монополий: картеля, синдиката и треста. Он же показал связь господства финансового капитала с милитаризмом («Финансовый капитал хочет господства, а не свободы»).

Особенно ценным, на наш взгляд, был вывод Гильфердинга о том, что финансовый капитал как «высшая ступень» экономического и политического господства подчиняет своим интересам все сферы общественного производства (включая капитал реального сектора экономики), захватывает и контролирует при этом подавляющую долю сверхприбылей. Указанный вывод оказался особенно ценным для современной эпохи, когда роль финансовой сферы мирового капитализма в провоцировании кризисных коллапсов резко повысилась.

Работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» завершилась выводом о неизбежности превращения диктатуры магнатов капитала в диктатуру пролетариата. На аналогичной теоретической позиции стоял в первые десятилетия XX в. другой выдающийся теоретик централизма — Карл Каутский.

К. Каутский искренне считал себя ортодоксальным марксистом и до известного временного рубежа действительно был им. Как и Р. Гильфердинг, он считал необходимым и даже неизбежным революционный социалистический переворот и в целом осудил (хотя и с некоторым опозданием) ревизионизм Э. Бернштейна. Вместе с тем К. Каутский, как и Р. Гильфердинг, полагал, что социалистическая революция должна «созреть», именно «созреть» в недрах высокоразвитого капитализма. И с этих позиций они критиковали позицию левых социал-демократов (В.И. Ленин, Р. Люксембург), именуя их сторонниками недопустимого «подстегивания» истории.

Переходя к описанию теоретического багажа левых социал-демократов, отметим, что позиции ведущих теоретиков левого фланга международной социал-демократии совпадали отнюдь не во всем. Известно, в частности, что В.И. Ленин критически относился к попыткам Р. Люксембург связать наступление «новейшей фазы» империализма с невозможностью реализовать прибавочную стоимость внутри стран ее происхождения, равно как и к общей интерпретации империализма в духе агрессивной политики по захвату «некапиталистической среды». Но в главном левые были солидарны друг с другом: и В.И. Ленин, и Р. Люксембург полагали, что время социалистического переворота уже пришло, а тот, кто ждет окончательного созревания материальных и культурных предпосылок социализма внутри капиталистического общества, может никогда их не дожидаться.

Резкое отличие левой альтернативы от концепции центризма в экономической теории особенно заметно в учении В.И. Ленина об империализме как «кануне социалистической революции», в его концепции государственно-монополистического капитализма как «последней ступеньки» на пути к социализму.

Мы далеки от того, чтобы выносить окончательный вердикт относительно истинности той или иной теории. Отметим только, что Первая мировая война обострила противоречия между указанными выше группировками марксистов, а Октябрьская революция в России способствовала их окончательному расколу. Левые социал-демократы, поддержавшие революционные преобразования российских большевиков, составили кадровую основу коммунистических партий, а немного позднее вошли в состав Коммунистического Интернационала. Центристы в лице ведущих теоретиков эволюционировали вправо и вскоре теоретически и тактически примирились с бернштейнцами, образовав реформистские социал-демократические партии Европы. Именно так, по нашему мнению, разрешился первый кризис марксизма, начавшийся на рубеже XIX и XX столетий.

ВТОРОЙ КРИЗИС И РАСКОЛ МАРКСИЗМА (1950–1960-е годы)

Из приведенных выше соображений вытекает, что последующие кризисы марксистской теории скорее всего имели место в период послевоенной стабилизации капитализма (1950–1960-е годы), а затем на этапе так называемой Великой модерации (как называют на Западе весьма благоприятные и почти бескризисные годы из большей части двух последних десятилетий XX в.).

Развитие мировой марксистской теории в эти годы изучалось менее интенсивно, чем в более ранние периоды. Тем не менее общие тенденции такого развития сформулировать все же возможно.

Второй кризис марксистской теории развернулся в рамках коммунистического движения, так как в период после Второй мировой войны социал-демократы в массе своей от марксизма как идейной основы своего движения уже отказались. Хронологически начало второго кризиса совпало или почти совпало со смертью Сталина, поскольку именно Сталин, кроме всего прочего, представлял собой тот персонифицированный институт, который сплачивал мировое коммунистическое движение на базе «культуры Третьего Интернационала».

Во второй половине 1950-х годов сделался вполне очевидным двойной конфликт руководства КПСС и СССР, с одной стороны, с руководящими деятелями СКЮ и Югославии, и с другой стороны – с руководством КПК и Китая.

Конфликт Сталина и Тито, межгосударственная размолвка СССР и Югославии начались еще в предыдущее десятилетие. Но

теоретически кризис марксистской теории оформился после ухода «вождя народов».

Теоретики СКЮ, среди которых выделялся Э. Кардель, считали сущностью капитализма не только и не столько закон прибавочной стоимости, сколько более общий феномен «отчуждения труда»².

По их мнению, господство государственной формы общественной собственности, на котором строился опыт социалистического строительства в СССР и странах Варшавского пакта, не уничтожает отчуждения трудящихся, но лишь воспроизводит его в новой форме. Покончить с отчуждением и выстроить отношения подлинного коллективизма способна только система социалистического самоуправления: предприятия вместе с имеющимися объемами средств производства передаются в собственность коллективов трудящихся, последние выступают как самостоятельные товаропроизводители на рынке. Коллектив трудящихся обладает правом утверждать производственную программу, распределять полученный валовой доход, выбирать директора. Единственное ограничение — не допускать снижения стоимости предприятия, всех его фондов.

Полемика советских и югославских марксистов временами затихала, но затем вспыхивала вновь (в зависимости от колебаний политической конъюнктуры). Но на всем протяжении послевоенных десятилетий югославская концепция и практика «социализма самоуправления» выступала как упорная правая альтернатива советскому опыту и официальному марксизму в СССР.

Внутренние слабости югославской модели социализма известны. Право трудового коллектива на распределение валового дохода обусловило тот факт, что весь этот доход уходил на текущие выплаты заработной платы, так что на фонд накопления практически ничего не оставалось. Это обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что весь научно-технический прогресс оказывался предметом импорта. Но затраты югославских фирм по закупке лицензий, как правило, приводили к еще большим затратам по приобретению импортной техники, что, в свою очередь, обуслов-

2. Описан в ранних работах К. Маркса, особенно в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

ливалось многократно увеличенные затраты на необходимое сырье и материалы. В итоге, хотя по уровню жизни и качеству потребительских товаров Югославия, несомненно, опережала СССР, внешняя задолженность этой страны росла рекордными темпами, что явилось (помимо всего прочего) существенным фактором краха югославского социализма в 1980-е годы.

Еще одним слабым местом «социализма самоуправления» стала утвердившаяся практика выбора администрации предприятия, включая директора, самим рабочим коллективом. Эта слабость была в значительной степени учтена теоретиками «рыночного социализма» в период после Пражской весны 1968 г. О. Шик, И. Коста и другие идеологи рыночных реформ в Чехословакии исходили из необходимости ограничить программу рабочего самоуправления требованием не выборного, а профессионального менеджмента предприятий, находившихся в коллективно-групповой собственности. Для объективной рыночной оценки работы предприятия предусматривалось их акционирование с сохранением контрольного (или блокирующего) пакета акций в руках рабочего коллектива.

Практика модели Пражской весны была прервана введением в ЧССР войск стран Варшавского договора, но сам этот краткий опыт и его идеология использовались затем социалистическими реформаторами последующих десятилетий.

В 1950-е годы непосредственно после смерти Сталина родилась и набирала силу не только правая, но и ультралевая альтернатива официальному марксизму в СССР. Речь идет прежде всего о теории и практике маоизма в коммунистическом Китае.

Маоизм представлял собой ультрарадикальную, революционаристскую интерпретацию практически всех составных частей марксистской теории, включая политическую экономию социализма. Сердцевиной хозяйственной концепции маоизма стала пропаганда якобы образцового опыта Дацзинских нефтепромыслов и Дачжайской сельскохозяйственной бригады. Обе эти производственные ячейки (лучше сказать — оба объединения, ибо в их составе трудились соответственно тысячи и сотни людей) работали на основах самообеспечения, производили почти все необходимое в режиме натурального хозяйства, предоставляя центральной власти значительные объемы прибавочного продукта.

В 1964 г. в КНР были успешно проведены испытания ядерного оружия, но в целом практические результаты маоистской теории оказались крайне негативными.

Общее представление о кризисных процессах в рамках послевоенной марксистской теории и практики дает табл. 2.

Таблица 2. Второй кризис и раскол марксизма (1950–1960-е годы)

Маоизм	← КПСС → и правящие партии Варшавского договора	Правый ревизионизм
КНР, Дачжайская сельскохозяйственная коммуна, Дацзинские нефтепромыслы	Модель государственного социализма: господство государственной формы собственности, директивного планирования, провозглашение основного экономического закона социализма	Социализм самоуправления, рыночный социализм, СКЮ, Пражская весна

Второй кризис марксизма, как уже отмечалось, происходил на фоне успешного роста и долговременной стабилизации капиталистической системы. Привел ли этот кризис к ускоренному развитию марксистской экономической теории? По отношению к СССР и странам Варшавского договора (за исключением, возможно, Венгрии) ответ, видимо, должен быть отрицательным.

Если отвлечься от частных случаев, в нашей стране сохранилось нетронутым представление о социализме, как оно сложилось в трудах Сталина в 1930-х годах. (В годы горбачевской перестройки этот факт был официально признан на высшем партийном уровне.) В решающих чертах продолжала существовать модель государственного социализма, на словах подчиненная высшей цели «все более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей каждого члена общества», а на деле нацеленная на обеспечение все более мощных производственного потенциала, репрессивного аппарата и вооруженных сил.

После 1979 г. по-настоящему бурное развитие началось в Китайской Народной Республике. Однако вряд ли можно утверждать, что оно сопровождалось столь же бурным развитием марксистской теории. Китайские руководители и экономисты знали и учитывали и советский опыт нэпа, и практику косыгинской реформы в СССР. Но динамизм китайской экономики не был обусловлен использованием «передовой теории», а объяснялся в первую очередь эффективной экономической политикой на эмпирической основе.

ОБЩИЙ КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА И МАРКСИЗМА (1980-е годы)

Этот очерк будет по необходимости кратким. Чтобы оценить суть описываемых событий, необходима определенная временная дистанция. И все же попытаемся наметить некоторые ориентиры.

Последний и самый тяжелый кризис марксистской теории, совмещенный с крушением государственного социализма, распадом СССР и Варшавского договора, происходил на фоне общего роста и процветания мирового капитализма, начавшегося в середине 1980-х годов и завершившегося азиатским кризисом 1997–1998 гг..

Уже в начале 1980-х годов о неблагоприятном положении на социалистическом, марксистском фланге общественности свидетельствовало несколько факторов.

Первым и самым мощным из них стал польский кризис 1980–1982 гг. Опыт ПНР как ни в какой другой стране свидетельствовал о том, что сложившаяся и во многом навязанная извне модель государственного социализма чужда менталитету, запросам и устремлениям народов Центральной Европы. Регулярно повторяющиеся в послевоенной польской истории социально-политические кризисы (1956, 1968, 1970, 1976 и 1980–1982 гг.) свидетельствовали об этом весьма отчетливо.

Другим предвестником грозы стало критическое выступление против официального марксизма в СССР руководителей наиболее влиятельных компартий в развитых странах Запада. Руководящие круги итальянской, французской и испанской ком-

партий с разной степенью критичности подходили к советскому опыту. После вторжения советских войск в ЧССР, а затем в Афганистан, их критический настрой в целом вырос и в начале 1980-х годов в официальных документах Итальянской компартии был сформулирован тезис о кризисе советской модели общества и ее идеологии. Э. Берлингуэр, в частности, говорил и писал о том, что «культура Третьего Интернационала» не соответствует более проблемам рабочего, коммунистического движения в развитых странах Запада, что «побудительный импульс» исторической фазы, начатой Октябрьской революцией 1917 г., «потерял свою силу».

Наше поколение хорошо помнит, что было потом. Крушение социализма 1989–1991 гг. сначала в странах Центральной Европы, а затем и в СССР оказалось стремительным. Таким же стремительным было крушение марксистской социалистической идеологии. Достаточно сказать, что почти вся редакция ведущего теоретического органа КПСС – журнала «Коммунист» во главе с О. Лацисом и Е. Гайдаром в течение нескольких месяцев оказалась в противоположном буржуазном праволиберальном лагере.

Причин общего кризиса государственного социализма и марксизма несколько. Часть из них – в основном из области экономики и политики – уже известна научному сообществу. Нам хотелось бы обратить внимание на теоретико-идеологическую составляющую кризиса.

Речь идет о монополии на научную истину, которую в рамках советской модели присвоили себе люди, возомнившие себя почти небожителями.

Теоретическая монополия в СССР сложилась после 1929 г. в рамках режима культа личности Сталина. Все важнейшие теоретические вопросы Сталин решал сам, другим разрешалось его прославлять и апологетически комментировать.

После 1953 г. индивидуальная (персональная) монополия на истину сменилась коллективной монополией аппарата ЦК КПСС. Но монополия, т.е. в данном случае – отсутствие академической свободы и конкуренции идей – всегда так или иначе способствует окостенению и застою. Не случайно, видимо, терпели крах основные «фундаментальные» концепции руководства КПСС, разработанные для нашей страны в 1960–1980 гг.

К числу ведущих концепций такого рода относятся:

- развернутое строительство коммунизма (Н.С. Хрущёв, начало 1960-х годов);
- развитой социализм (Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, 1970-е – начало 1980-х годов);
- социально-экономическое ускорение (М.С. Горбачёв, вторая половина 1980-х годов).

Фундаментальная слабость сложившейся в СССР модели социализма заключалась еще и в том, что здесь слишком многое зависело от первого лица. Известно, например, что грубый просчет Сталина относительно вероятности гитлеровского вторжения в июне 1941 г. едва не привел наше общество к национальной катастрофе. После 1985 г. у руководства нашей страной оказался М.С. Горбачёв – человек, который, согласно вердикту людей, хорошо его знавших, «плохо представлял, от какого берега мы отчаливаем и к какому хотим пристать».

В годы революционных кризисов, а именно такой кризис пережила наша страна на рубеже 1980–1990 гг., теория и политика играют особую роль, базис и надстройка меняются местами. Является фактом, что научное сообщество СССР (по разным причинам) не сумело выработать эффективного проекта перехода от директивной плановой системы к социально ориентированному рыночному хозяйству. Но это обстоятельство не должно заслонять от нас персональной ответственности политических лидеров, роль отдельных личностей в истории, в данном случае, безусловно, негативную.

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ И КРИЗИС НЕОКЛАССИКИ (ПЕРВЫЙ В XX в. КРИЗИС ЗАПАДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ)

Вернемся, однако, к экономическим теориям Запада, или, в марксистской терминологии, — к буржуазным теориям. Суть их, как уже было сказано, состоит в том, что эти теории стоят на почве признания прочности и перспективности капитализма как системы, свою задачу видят в том, чтобы усовершенствовать рыночную капиталистическую экономику, предложить меры по более эффективному ее функционированию, управлению и т.д.

Как показала история, западные теории в XX столетии также развивались через кризисы. Среди признаков теоретического кризиса подобных теорий можно также назвать их периодически обнаруживающуюся неспособность представить убедительную интерпретацию реальным явлениям экономической жизни; появление среди бывших сторонников прежних теорий многочисленных представителей новых во многом принципиально иных идей (т.е. теоретический раскол); часто, хотя и не всегда, общее ускорение в развитии экономической теории за счет замены устаревших экономических концепций концепциями новыми, более адекватными сложившимся реалиям.

Как уже отмечалось, кризисы экономической теории Запада хронологически совпадали с зарождением и усугублением понижательных волн экономической конъюнктуры (по Н.Д. Кондратьеву). Так, понижательная волна 1920–1930 гг. вызвала к жизни кризис неоклассической теории и последующую кейн-

сианскую революцию; следующая волна такого же типа в 1970-е годы — начале 1980-х годов обусловила кризис кейнсианства (в терминологии Дж. Робинсон — «второй кризис экономической теории»); наконец, понижательная волна, которая началась с «азиатского кризиса» 1997–1998 гг. и кульминацией которой стал недавний финансово-экономический коллапс, — эта волна продемонстрировала полную научную несостоятельность правоконсервативных, либертарианских (точнее — ультралиберальных) теорий, как-то: монетаризма, новой классической школы, экономической теории предложения.

Напомним кратко о ходе течения означенных теоретических кризисов.

Как мы уже подчеркивали, в ходе маржиналистской революции, лидерами которой были Л. Вальрас, А. Маршалл и другие выдающиеся экономисты, возникло принципиально новое — неоклассическое направление западной теории. Основным достижением этого течения западной экономической мысли стало создание современной микроэкономики. Маржиналистская теория цен и доходов на базе принципов предельного анализа до сих пор является основой преподавания экономической теории практически во всех странах с рыночной экономикой. Более того, маржиналистская микротеория выступает в качестве основного теоретического задела при разработке экономической политики на микро- и отчасти — на мезоуровне, лежит в основе разработок маркетологов, некоторых концепций менеджмента и т.д.

В 1920–1930-х гг. плодотворные исследования западных специалистов на микроэкономическом уровне были продолжены. Так, только в одном 1933 г. в США и Великобритании практически одновременно вышли две во многом новаторские работы Э. Чемберлина и Дж. Робинсон, посвященные проблемам ценообразования³.

Наряду с такими формами рынка и моделями формирования цен, как совершенная конкуренция, чистая монополия, олигополия, были введены в научный оборот и исследованы формы и модели

3. Э. Чемберлин. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости (1933); Дж. Робинсон. Экономическая теория несовершенной конкуренции (1933).

монополистической конкуренции, монополии, проанализированы многочисленные варианты ценовой дискриминации и т.д.

Гораздо скромнее выглядели научные результаты неоклассиков в той области, которую мы относим к макроэкономике. Достаточно сказать, что крупнейший авторитет неоклассической школы А.С. Пигу в специальной работе «Теория безработицы» (1933) выделял лишь два варианта данного негативного явления: безработицу добровольную (по Вальрасу) и безработицу фрикционную, что, как показал вскоре Дж.М. Кейнс, было явно недостаточно.

Еще хуже обстояли дела с неоклассической теорией воспроизводства. Большинство представителей неоклассической теории развивали стародавнюю «теорию рынков» французского экономиста начала XIX в. — Ж.Б. Сэя, согласно которому каждый участник рынка продает свой товар, чтобы купить другой, так что в масштабах всего общества спрос в общем и целом оказывается равным предложению.

Неоклассики признавали поэтому лишь частичные (локальные, региональные) скоро преходящие кризисы, но никак не общие, глубокие и длительные кризисы перепроизводства.

Великая депрессия 1929–1933 гг. повергла неоклассическую теорию в состояние глубокого шока. Великий кризис рубежа 1920–1930 гг. был необычен, можно сказать, что это был мегакризис принципиально нового типа. В его рамках не только отмирали старые неэффективные отрасли и производства, как бывало раньше, но существенно пострадали и новые, высокоэффективные производственные домены, обусловившие прежде процветание национальных экономик. (Яркий пример — почти десятикратное снижение выпуска в автомобилестроении США.) Кризис 1929–1933 гг. в отличие от спадов прошлого не способствовал быстрому восстановлению эффективных пропорций и общего экономического потенциала ведущих западных стран, а напротив, вверг многие из них в длительный застой, который в тех же США продолжался практически до начала Второй мировой войны.

Наконец, Великая депрессия 1929–1933 гг. в отличие от спадов прошлых лет ударила не только по низшим классам, хотя здесь ее удар был беспрецедентно силен. (Достаточно сказать, что уровень безработицы в США возрос до 25% от экономически актив-

ного населения.) Драматические события 1929–1933 гг. в массовых масштабах ударили и по высшим слоям общества — банкирам, биржевым дельцам, бизнесменам-промышленникам.

Согласно неоклассической теории, исходившей, как было сказано, из закона рынков Сэя, ничего подобного произойти не могло. В силу этого Великая депрессия стала главной причиной кризиса неоклассического направления, оказавшегося бессильным разрешить теоретические проблемы наступившей экономической драмы.

Разлад неоклассических теоретиков с действительностью особенно рельефно выступал на фоне неразрешимых для неоклассики проблем. К числу вопросов, на которые не смогла сколько-нибудь удовлетворительно ответить неоклассическая теория, относятся следующие:

- 1) почему оказалась возможной хозяйственная катастрофа Великой депрессии; в чем причина Великого кризиса 1929–1933 гг.;
- 2) какие меры следует предпринять, чтобы выйти из Великой депрессии; (волне понятно, что врач, не способный поставить диагноз, не в состоянии предложить больному средства излечения);
- 3) какие меры необходимы, чтобы в будущем не было катастроф, подобных Великой депрессии.

В условиях теоретического кризиса западной экономики начались, согласно терминологии французского автора Э. Жамса, интенсивные поиски «новой доктрины» и «нового пророка». Ныне почти единодушно признается, что наиболее удачные ответы на поставленные выше вопросы удалось обосновать выдающемуся английскому экономисту Дж.М. Кейнсу.

С конца 1930-х годов сначала в США, а затем в большинстве других высокоразвитых капиталистических стран, начинается период господства кейнсианской теории, или так называемый «век кейнсианства». Является фактом, что меры, разработанные теоретиками кейнсианства, сыграли немаловажную роль в экономическом процветании западных стран в послевоенные десятилетия 1950–1960 гг.

Но в данной публикации нас интересуют в первую очередь кризисные процессы в эволюции мировой экономической теории.

Не останавливаясь подробно на важной и, повторим еще раз, реформаторской роли кейнсианской теории в 1950–1960 гг., мы в силу самого предмета исследования обязаны перескочить через целую эпоху и перейти к теоретическим проблемам, сопутствовавшим понижательной волне конца 1960 – начала 1980-х годов.

ВТОРОЙ КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЗАПАДА (КРИЗИС КЕЙНСИАНСТВА 1970-х годов)

Авторство тезиса о втором кризисе западной экономической теории принадлежит выдающейся английской экономистке Дж. Робинсон. Лидер левого кейнсианства, она направила этот тезис против концепции неоклассического синтеза Самуэльсона – Хикса, т.е. против правоцентристской интерпретации идейного наследия Кейнса, совместившей макроэкономику «Общей теории занятости, процента и денег» с маржиналистской микроэкономикой Маршалла, Вальраса, Парето и Дж.Б. Кларка.

Мы же берем на себя смелость утверждать, что кризис кейнсианства закономерен связан с очередной понижательной волной в истории высокоразвитого капитализма. Сам вопрос о непосредственных причинах, факторах и формах кризиса кейнсианской теории 1970-х годов изучается нами давно? и изложение его вошло в учебную литературу. В целях экономии времени мы попытаемся изложить указанную тему в табл. 3.

Драматизм ситуации заключался в том, что все отмеченные выше формы и факторы дискредитации кейнсианской теории возникли и действовали примерно в одно время, в едином направлении, крайне неблагоприятном для престижа кейнсианства. В самом начале 1980-х годов в Великобритании, а затем в США, к власти пришли лидеры новой правоконсервативной волны М. Тэтчер и Р. Рейган. Для этих государственных деятелей кейнсианская теория, балансирующая между интересами инвесторов и потребителей,

Таблица 3. Кризис кейнсианской теории (на фоне понижательной волны конца 1960 – начала 1980-х годов)

Причины	Формы проявления
1. Общее ухудшение хозяйственной конъюнктуры в высокоразвитых странах Запада. Восстановление ярко выраженной цикличности в экономическом развитии. Экономические кризисы 1973–1975 и 1980–1982 гг.	1. Дискредитация неокейнсианских концепций экономической дисциплины, цикла и антициклической политики (Р. Харрод, Е. Домар, Э. Хансен, П. Самуэльсон и др.), т.е. дискредитация «стратегического арсенала» неокейнсианской теории
2. Выход инфляции из-под государственного контроля, превращение ползучей инфляции в инфляцию галопирующую	2. Неэффективность, а порой и вред неокейнсианской концепции «дефицитного финансирования», провоцирующей инфляцию
3. Новейший феномен стагфляции. Сосуществование высокой инфляции и высокой безработицы	3. Несостоятельность кейнсианской интерпретации кривой Филлипса и выводов для экономической политики (пункты 2 и 3 относятся к дискредитации тактического арсенала кейнсианства)
4. Развертывание в 1970-е годы структурных кризисов мирового капиталистического хозяйства: нефтяного, энергетического, сырьевого, продовольственного, экологического	4. Кейнсианство – demand side economics (экономическая теория эффективного спроса) не имело и не имеет теоретического аппарата для анализа структуры производства и производственных диспропорций
5. Крах Бреттон-Вудской системы международных расчетов (1971 г. и далее)	5. Дополнительный фактор дискредитации кейнсианской теории (ее международного аспекта): Дж.М. Кейнс – ведущий теоретик Бреттон-Вудской конференции

свободным предпринимательством и государственным регулированием, оказалась неприемлемой. Основными принципами тэтчеризма и рейганомики стали реприватизация, зажим профсоюзных свобод, либеральная налоговая реформа, общее дерегулирование экономики.

Теоретиками неоконсервативного поворота явились американские монетаристы во главе с М. Фридменом, лидеры школы «рациональных ожиданий», или новой классической теории (Р. Лукас, Т. Сарджент, Н. Уоллес, Э. Прескотт и др.), представители экономической теории предложения, или сэплайсайдеры (М. Фелдстейн, А. Лаффер). В экономической теории Запада начался период монетаристской контрреволюции.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЛЬТРАЛИБЕРАЛИЗМА (РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА)

Первые признаки надвигающегося неблагополучия в экономической теории Запада были зафиксированы уже во второй половине 1990-х годов⁴.

Согласно одному из подходов, принадлежащему академику В.М. Полтеровичу, признаками теорического кризиса экономики являются следующие:

1) теория социального выбора получила в качестве основного результата невозможность рационального согласования интересов;

2) в теории экономической динамики доказано, что модель оптимизации дисконтированной суммы полезностей при соответствующем выборе функций полезности и значении дисконта может генерировать любые траектории, удовлетворяющие технологическим ограничениям, а следовательно, непригодна для конкретных рекомендаций в области экономической политики;

3) в теории рыночного равновесия обнаружилась необозримая множественность равновесных состояний;

4) в теории финансирования корпораций и дефицита государственного бюджета основная теорема Модильяни–Миллера утверждает эквивалентность обоих способов финансирования: путем эмиссии акций и путем привлечения заемных средств (для корпора-

4. См., например: Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 44–66; см. также: Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М: ИМЭМО РАН, 2002. С. 55–63.

ции), путем повышения налогов и путем продаж на открытом рынке облигаций (для государства). Однако в реальности такой эквивалентности не наблюдается и выбор конкретного метода финансирования обусловлен множеством дополнительных обстоятельств;

5) монетарная теория обнаружила свою неустойчивость относительно малых вариаций постулатов и вопрос о нейтральности денег повисает в воздухе⁵.

Подобные констатации совпали с так называемым азиатским кризисом 1997–1998 гг., русским дефолтом 1998 г., аргентинским кризисом и т.п.

Кризисы мировой капиталистической экономики в конце 1990-х годов ударили главным образом по периферии мирового хозяйства. Из развитых капиталистических стран тогда серьезно пострадала только Япония. В силу этого, видимо, и сами констатации кризисного неблагополучия в эволюции западной экономики были тогда единичными и встречали единодушное осуждение.

Иначе обстоит дело сегодня, после того как в конце первого десятилетия нового века в главной, самой мощной стране капитализма – США развернулся общеэкономический кризис, сравнимый по тяжести лишь с Великой депрессией 1929–1933 гг. Из Соединенных Штатов кризис перебрался и на другие высоко-развитые страны, превратился в кризис всего мирового хозяйства. Становится все более очевидным, что в развязывании мирового экономического кризиса 2007–2010 гг. немалую роль сыграли доминировавшие в последние десятилетия XX в. ультралиберальные экономические теории.

И монетаризм М. Фридмена, и новая классическая теория Р. Лукаса, и экономическая теория предложения М. Фелдстайна и А. Лаффера, будучи концепциями рыночного фундаментализма, синхронно требовали предоставить полную свободу рук частному бизнесу, покончить с «ересью кейнсианства», т.е. с идеями «регулируемого капитализма». Во многом под влиянием подобных теорий произошло общее дерегулирование капиталистической экономики, причем не только на всемирном или национальном уровнях, но и на уровне отдельных предприятий и корпораций. К руководству

5. См.: Полтерович В.М. Указ. соч.

значительного числа (если не большинства) деловых организаций пришло поколение менеджеров, названное в публицистике «юными людоедами», молодыми хищниками, нацеленное на выкачивание сверхприбылей любыми способами, включая массовое уклонение от налогов, захват чужой собственности, подлог, подкуп, прямой обман клиентов и т.п. О том, что именно так обстояли дела прежде всего в США свидетельствуют последние публикации Нобелевского лауреата по экономике Дж. Стиглица, да и не его одного. Но подобная практика охватила и другие страны, включая наше Отечество. В итоге были в значительной степени подорваны основы социализированного капитализма, или социального рыночного хозяйства, формировавшегося на Западе в первые послевоенные десятилетия. Капитализм, если можно так выразиться, стал более капиталистическим строем: усилился разрыв в благосостоянии высших и низших слоев, возросли неопределенность и общее неподчинение регулированию на макроуровне.

Все это, на наш взгляд, как раз и способствовало развертыванию сначала локального ипотечного, затем североамериканского финансового, а впоследствии и всемирного общеэкономического кризиса, в развязывании которого, повторим еще раз, господствовавшая ультралиберальная доктрина приняла самое активное участие.

В сложившихся условиях множится число профессиональных экономистов, констатирующих «кризис», именно «кризис» современной экономической теории. Недовольство экономической теорией, проглядевшей экономический спад, выражают самые широкие общественные круги, включая даже английскую королеву Елизавету.

И, напротив, сокращается численность тех, кто выражает несогласие с резкими критическими оценками. Приходится, правда, читать и выслушивать мнения о том, что дилетанты не должны судить профессионалов, а также о том, что в трудном положении оказалась в основном макроэкономика, тогда как другие разделы теории развиваются успешно. Однако лицо западной экономической теории во времена, предшествовавшие кризису 2007–2010 гг., определяли не «экспериментальная экономика» и не утонченные модели на базе теории игр, а идеология «либертарианства», или рыночного фундаментализма.

Что же касается тезиса о «дилетантской», т.е. якобы неподобающей, критике западной экономикс со стороны широкой публики, то ведь экономическая теория существует не сама по себе и не для того, чтобы охранять величие отдельных корифеев. Она оплачивается обществом, в том числе с практическими целями, и если результаты плачевны, общество вправе предъявить свой счет.

Содержание теоретического кризиса в основном прояснено и для краткости может быть изложено в рамках табл. 5.

Таблица 5. Структура современного кризиса западной экономической теории

Объекты критики. Критические констатации	Основные инициаторы критики
1. Кризис методологии: критика концепций рационального эгоиста (гомо экономикус)	Д. Канеман, А. Тверски, А. Сен и др.
2. Кризис микроэкономики: критика теории предельной полезности и предельной производительности	Современные посткейнсианцы
3. Кризис макротехории	Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц, М. Блауг и др.
4. Критика экономической политики рыночного фундаментализма (Вашингтонского консенсуса).	Дж. Стиглиц и др.

Особенно много критических стрел выпущено по адресу ультралиберальной макроэкономики. В трудах Нобелевского лауреата Дж. Акерлофа содержится целый перечень явлений, недоступных интерпретации с позиций современных либертарианских теорий (М. Фридмена, Р. Лукаса и др.). По мнению Дж. Акерлофа, господствовавшие в 1980–1990-х гг. монетаристская и новая классическая теории не способны объяснить:

- существование вынужденной безработицы;
- влияние кредитно-денежной политики на выпуск продукции и занятости;
- неускорение дефляции при высоком (превышающем естественный) уровне безработицы;
- широкую распространенность недонакопления пенсионных фондов;
- исключительную неустойчивость курсов акций по сравнению с их реальной доходностью;
- устойчивое воспроизводство люмпен-пролетариата, т.е. постоянной и глубокой бедности в самых развитых странах в сочетании со злоупотреблением алкоголем, наркотиками, массовой преступностью и т.д.

Самую суровую критику со стороны видных западных экономистов встречает ныне и ультралиберальная концепция экономической политики (Вашингтонский консенсус). Речь идет о рекомендациях странам с «развивающимися рынками» форсированным темпом вливаться в мировую рыночную экономику, для чего отказаться от всяких мер по защите национальной экономики, провести «последовательную приватизацию», либерализовать цены и режим перемещения капиталов и т.п.

Как показал Дж. Стиглиц, ученически покорное следование вашингтонским рекомендациям привело к хозяйственному краху ряда стран уже в годы «азиатского кризиса» 1997–1998 гг. И, напротив, страны, отказавшиеся следовать подсказкам из Вашингтона, пережили кризис менее болезненно. Кроме того, опыт нашей страны в сравнении с опытом соседнего Китая буквально вопиет о недопустимости теоретического обезьянничества, тем более что негативные последствия программ «рыночного фундаментализма» не обошли стороной и саму страну происхождения.

Современный кризис экономической теории Запада будет, по всей видимости, затяжным. Во-первых, потому, что антикризисная политика «количественных смягчений», хотя и дала известный практический результат, теоретически не содержит в себе ничего нового. Во-вторых, и это, на наш взгляд, важнее всего, мало что делается и в теории, и на практике для обуздания хищнической идеологии с ее лозунгом «прибыль любой ценой». А ведь именно эта идеология, как мы пытались показать, и привела современный мир к экономическому коллапсу.

О РЕНЕССАНСЕ МАРКСИЗМА И ПЕРСПЕКТИВАХ МИРОВОЙ ТЕОРИИ

В заключение отметим, что понижательная волна, начавшаяся в конце 1990-х годов, по изложенной ранее логике, должна была не только спровоцировать трудности на правоконсервативном фланге мировой экономической теории, но и вызвать к жизни некое подобие марксистского ренессанса. И действительно, отдаленные признаки оживления интереса к марксизму ныне налично.

Как сообщает газета «Известия» от 29 января 2010 г., первый том «Капитала» К. Маркса, изданный в Германии в виде аудиокниги, пользуется ныне успехом в университетской среде. По всей Германии создаются марксистские кружки, существующие уже в 34 университетских центрах. К. Маркса штудируют углубленно, надеясь найти ответы, как преодолеть кризис. Главная цель – не мириться с нынешним состоянием мира и искать альтернативу. Один из инициаторов нового издания «Капитала» пишет: «...После начала кризиса все вдруг заговорили о Карле Марксе, причем не только в специализированных журналах по экономике, но и просто среди знакомых. Повсюду только и слышно было – Карл Маркс»⁶.

В нашей стране все чаще слышатся протесты против засилья в преподавании западной микро- и макротеоии. Множатся попытки воссоздать изучение и преподавание политической экономики на «классической основе». При этом под наследием «клас-

6. Известия. 2010. 29 января. С. 4.

сиков» молчаливо подразумевается не наследие Смита и Рикардо, а именно марксизм.

Наряду с академическим интересом заинтересованность в марксизме возрастает и по социальным причинам: население высокоразвитых стран («золотой миллиард») составляет лишь седьмую часть населения мира. Остальные $\frac{6}{7}$ граждан планеты Земля представлены в своем большинстве эксплуатируемыми и обездоленными людьми, чьи устремления плохо вписываются в современный западный мейнстрим экономикс. Неблагополучные слои существуют и в высокоразвитых странах. Однако, по нашему мнению, подлинного ренессанса марксизма, его распространения в тех масштабах, в каких учение К. Маркса было распространено в XX в., в текущем столетии ожидать не приходится.

Мы не считаем нужным акцентировать внимание на «ошибках» и «ограниченности» марксистского учения, тем более делать из такого рода критики профессию. Но об одном моменте следует сказать открыто.

Немецкий философ И. Кант считал вопрос о сущности человека основным вопросом философии; представляется, что данный вопрос — наиважнейший для всего обществознания, включая экономическую теорию.

В небольших по объему «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс определял сущность человека как совокупность общественных отношений. Получалось, чтобы изменить природу людей, необходимо изменить общественные отношения; или, иначе: меняются общественные отношения — меняется и сущность человека.

Под непосредственным воздействием такого учения в программных установках КПСС появился тезис о воспитании «нового человека». В третьей Программе партии перспектива формирования «новых людей» стала частью триединой задачи по построению коммунизма, наряду с преобразованием производительных сил и общественных отношений.

В профессиональном советском обществознании для данной позиции оппонентов не нашлось. Но они рельефно обнаружились в лучших произведениях литературы. В гениальном романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланд прибывает в Москву не для ознакомления с достопримечательностями столицы. Его интере-

сует совсем иное, изменились ли москвичи внутренне, изменились ли люди. Все мы помним, какой эксперимент он при этом поставил и какой ответ получил.

М. Булгаков писал свой роман в условиях, когда согласно официальным оценкам, социализм в СССР победил лишь «в основном». Но и в 1960-е годы на фоне «более зрелых социалистических отношений» в поэзии Б. Окуджавы зазвучал похожий рефрен:

Настоящих людей так немного.
Все вы врете, что век их настал,
Посчитайте и честно, и строго —
Сколько будет на каждый квартал.

Могут сказать — это лирика. Конечно, так. Но талантливая лирика в данном случае весьма точно отражает жизнь.

Если этих примеров недостаточно, вспомним «лихие 1990-е годы». Как быстро на авансцену нашей истории выскочили профессиональные лгуны, бессовестные мздоимцы, хищники-рейдеры и, наконец, самые отпетые уголовники. Как личности они сформировались, причем в массовом масштабе, гораздо раньше, еще в эпоху «реального социализма», а после 1991 г. предстали, так сказать, во всей красе.

Раз это так, а это, несомненно, так, приходится констатировать, что XX в. обнаружил явную недостаточность, ошибочность учения К. Маркса о сущности человека.

Наши надежды на формирование альтернативы старым научным теориям мы связываем поэтому с новой научной революцией, которая бы обобщила в рамках экономической науки данные революции в естествознании, связанные с раскрытием в самом начале XXI в. структуры генома человека, вторжением в общественную науку данных психогеномики. Представляется, что основы революции в экономической теории закладываются уже сегодня.⁷

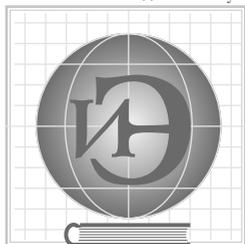
7. См.: Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2009.

**Александр Георгиевич
Худокормов**

Худокормов Александр Георгиевич (1952 г.р.), закончил экономический факультет МГУ (1974), защитил кандидатскую (1977), а затем докторскую диссертацию (1989) по тематике «История экономических учений». Заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений (с 1988 г.) и профессор (с 1992 г.) экономического факультета МГУ. Опубликовал несколько персональных монографий, в том числе: «Экономические корни бюрократизма» (1988), «Экономическая теория: новейшие течения Запада» (2009). Сопредседатель редколлегии и соавтор фундаментального труда «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков» в пяти томах (2004-2005). Научный редактор и соавтор ряда университетских учебников и учебных пособий по экономической истории и истории экономических учений. Лауреат Ломоносовской премии МГУ за педагогическую деятельность. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2003).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.Г. Худокормов

Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы
(к вопросу об общем принципе эволюции мировой
экономической теории в XX веке)

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 22.03.2012 г.

Заказ №16. Тираж 300. Объем 1,9 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН